



Александр РОДИОНОВ

Родионов Александр Николаевич родился 3 августа 1960 года в г. Саратове (Российская Федерация). Окончил Энгельсское высшее зенитное ракетное командное училище (1981). Военную службу в Вооружённых Силах проходил в шести округах Советского Союза. В 1988 г. поступил в военную командную академию ПВО имени маршала Советского Союза Г. К. Жукова, которую закончил в 1991 году. В 2005 году назначен начальником военного факультета Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (далее – ГрГУ). В 2008 году закончил Институт повышения квалификации и переподготовки кадров (далее – ИПК) ГрГУ по специальности «Педагогическая деятельность специалистов». 23 августа 2010 года уволен с военной службы в запас с правом ношения военной формы одежды. Награждён государственными наградами. Указом президента Республики Беларусь присвоено Воинское звание полковник. С 24 августа 2010 г. по 13 августа 2012 г. работал заместителем директора ИПК и ПК ГрГУ. В 2011 году закончил аспирантуру ГрГУ по специальности «Отечественная история». С 2014 г. до 2023 г. работал учителем допризывной подготовки в учреждениях образования города Гродно. Учитель высшей категории, преподаватель высшей категории. С 2017 г. по настоящее время председатель совета Гродненской городской организации ОО «Белорусский союз офицеров». С 2023 – н. в. – председатель совета Гродненской городской организации Белорусского общественного объединения ветеранов. Александр Николаевич Родионов имеет опыт организаторской и научной работы. Председатель 6 международных и республиканских научных конференций и двух исторических выставок в Старом замке. Автор 1 образовательного стандарта Республики Беларусь, 6 учебных пособий, 1 монографии, 65 научных публикаций и 1 рационализаторского предложения, 9 публикаций в СМИ. А. Н. Родионов – автор нескольких книг по военной истории Отечества изданных в Беларуси, России и Германии, а также публикаций в сборниках и периодических изданиях на русском и английском языках. Автор более 70 статей исторической и краеведческой тематики, публикаций о героях, защитниках Отечества и

ветеранах. Его статья опубликована в Белорусской педагогической энциклопедии. Область интересов: русско-белорусско-польские взаимоотношения, история военного образования, военная история. Основные темы военной истории: Северная война 1700 - 1721 годов, Отечественная война 1812 года, Первая мировая война, Вторая мировая война, комплектование вооружённых сил, медицинское обеспечение, экологическое обеспечение. В 2021 году издана монография (авторская книга) «Военное образование на Гродненщине. История и современность». Рецензенты: кандидат исторических наук, профессор УО «ГрГУ им. Я. Купалы», В. Н. Черепица; кандидат исторических наук, доцент, начальник военного факультета в УО «ГрГУ им. Я. Купалы», полковник Л. Ю. Павлов; кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета профессиональной самореализации ГУО «Гродненский областной институт развития образования» Л. М. Тарантей. В книге рассказывается о становлении военного образования на Гродненщине, от первых военных школ (середина XVIII века) до создания системы военного образования (наших дней). Прослеживается эволюция взглядов на военное образование, раскрывается процесс совершенствования военной педагогики. На примере кадетских корпусов и военных учебных заведений, показан процесс подготовки офицерских кадров. Книга адресуется всем, кто интересуется военной историей и военной педагогикой. Содержание книги – 16 глав и 17 приложений. На областном этапе республиканской выставки-конкурса монография получила диплом III степени (Приказ Главного управления образования Гродненской области № 59 от 30.03.2021 г.). В дополнение к монографии разработаны и опубликованы три темы. Рецензия на монографию опубликована доктором педагогических наук, профессором, заведующим кафедрой педагогики и социальной работы Гродненского государственного университета имени Янки Купалы В. П. Тарантей (Вестник ГрГУ им. Я. Купалы Том 13, №1, 2023, Серия 3 с. 164-168). В произведениях публицист Александр Родионов рассуждает о проблемах истории Беларуси, воспитывает в читателе активную гражданско-патриотическую позицию, прививает гордость за историческое прошлое и достижения нашей Родины, уважение к поколению Победителей, к ветеранам, пропагандирует необходимость служения Отечеству в рядах Вооружённых Сил и других воинских формирований в интересах укрепления обороноспособности, сохранения суверенитета и независимости Беларуси. Много внимания автор уделяет исследованию белых пятен истории, изучению повседневной жизни и быта наших предков и традиций. В своих произведениях он обращает внимание на красоту родной земли, на богатство исторического и культурного наследия. Его статьи и очерки востребованы не только рядовыми читателями, но и педагогами, а также руководителями по военно-патриотическому воспитанию. Творчество А. Н. Родионова привлекает читателя, вызывает неподдельный интерес и получает положительные отзывы, в том числе в средствах массовой информации. Александр Николаевич наделён большим творческим потенциалом. Опытный публицист увлечён поэзией и для усиления воздействия на читателя в отдельных произведениях умело использует цитаты из поэзии и художественной прозы. Публицист, педагог, общественный деятель Александр Родионов принимает активное участие в общественной жизни Беларуси; как офицер занимается педагогической деятельностью, выступает на уроках мужества в учебных заведениях, принимает участие в гражданско-патриотических акциях, участвует в мероприятиях Гродненского областного отделения СПБ. Имеет опыт законодательной работы, входил в комиссию Министерства обороны Республики Беларусь по переработке общевоинских уставов Республики Беларусь. Александр Родионов имеет богатый опыт выступлений в средствах массовой информации и положительный опыт работы в составе РГОО «Белорусское общество «Знание». За службу в Вооружённых Силах, педагогическую и общественную деятельность награждён: 23 медалями, 11 нагрудными знаками, благодарностью и двумя грамотами министра обороны Республики Беларусь, а также грамотами других начальников. Пишет на русском языке. Живёт в городе Гродно.

Александр РОДИОНОВ

Военная служба поручика Михаила Юрьевича Лермонтова

Я проложил свой след,
где для орлов дороги нет...

В Российской армии служили многие знаменитые люди, ставшие в дальнейшем классиками русской литературы. Но в учебниках и учебных кабинетах по литературе, как правило, в военной форме изображают портрет только поручика Лейб-гвардии Гусарского полка М. Ю. Лермонтова.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился 3 (15) 10.1814 г. в Москве, в семье капитана Ю. П. Лермонтова (1787-1831 гг.) и М. М. Арсеньевой (1795-1817 гг.). Рано оставшись без родителей, воспитывался у бабушки Е. А. Арсеньевой, которая дала внуку разностороннее образование. Детство Лермонтова прошло в имении бабушки в селе Тарханы (ныне село Лермонтово Пензенской области), где будущий поэт прислушивался к народным песням и преданиям о Степане Разине, Емельяне Пугачёве и других казаках. Глубокий след в памяти оставили поездки на Кавказ (1814, 1820, 1825 гг.). В 1828-1830 гг. Лермонтов учился в Москве в Благородном пансионе. С 1830-1832 гг. обучался в Московском университете, который покинул после столкновения с профессорами.

В 1828 г. в возрасте пятнадцати лет Лермонтов написал первые стихотворения и поэму «Черкесы». На его творчество оказали влияние основанная Денисом Васильевичем Давыдовым (1784-1939 гг., русский поэт, военный писатель, герой Отечественной войны 1812, освобождал город Гродно, гусар, генерал-лейтенант) традиция «гусарской оды» и романс, где опоэтизирован тип «старого гусара». В стихах Лермонтова отражается эта традиция в произведениях: «Гусар» (1832 г.); «К портрету старого гусара» («Смотрите, как летит, отвагою пыля...»); «К Н. И. Бухарову» (1838 г.), в лирических отступлениях «Тамбовский казначейши» (1838 г.) и возможно, в «Бородине» (1837 г.).

Лермонтов мечтал о военной службе и знал, что его ожидали «маршировки, парадировки», всевозможные ограничения свободы, связанные с военной дисциплиной, но, приняв решение, он видел впереди не только забавы и пиры, но и долг – защиту родины. Ему было трудно расстаться с его «неблагодарным кумиром» – литературной карьерой, но путь был выбран.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (далее – Школа юнкеров) была учреждена в Петербурге 9 мая 1823 г. приказом Александра I для обучения молодых дворян, которые поступали в гвардию из университетов или частных пансионов, не имея военного образования и подготовки. С 1825 г. Школа размещалась на набережной реки Мойки у Синего моста, в здании, построенном в 60-х гг. XVIII в. архитектором Ж. Б. Вален Деламотом. Военным ведомством здание было переделано для Школы юнкеров как снаружи, так и изнутри.

4 ноября 1832 г. Лермонтов успешно выдержал вступительные экзамены в Школу юнкеров. Приказ о зачислении его кандидатом датирован 10 ноября. 14 ноября отдан приказ по Школе юнкеров о зачислении Лермонтова на правах вольноопределяющего унтер-офицера лейб-гвардии Гусарского полка. Восторженный Лермонтов писал в 1832 г. М. А. Лопухиной, что «если будет война», то он будет «везде впереди». Однако 27 ноября в манеже произошёл несчастный случай с Лермонтовым: лошадь расшибла ему до кости ногу ниже колена. Лечение было долгим и только в середине апреля 1833 г. Лермонтов вернулся в Школу юнкеров. Тем не менее, 8 июня Лермонтов успешно выдержал экзамен в первый (старший) класс и с 20 июня по 26 июля уже находился в летнем лагере военно-учебного заведения под Петергофом.

Командиром Школы юнкеров был в это время К. А. Шлиппенбах; непосредственным начальником Лермонтова по эскадрону – А. С. Стунеев. Помимо изучения военных дисциплин (артиллерия, военный устав, тактика, топография, фортификация и др.), выездов на лагерные учения в окрестности Петергофа в летние месяцы и участия в осенних манёврах близ Красного Села, воспитанники изучали также математику, историю (русскую и западно-европейскую), словесность, географию, судопроизводство, французский язык. Сохранились учебные тетради по ряду предметов. Записи в некоторых из них сделаны рукой Лермонтова, например, «Лекции из военного слова» (по теории словесности, которую читал В. Т. Плаксин), где часть вторая – автограф Лермонтова. По свидетельству товарищей, Лермонтова особенно интересовал этот предмет.

Среди преподавателей, чьи лекции должны были оставить след в сознании Лермонтова, следует назвать также Е. И. Веселовского, читавшего курс судопроизводства. Часть его лекций «История российского законодательства» сохранилась в конспективных записях Лермонтова, где обращает на себя внимание обилие сведений, связанных с крепостным правом (его возникновение и особенности). Там же краткая запись: «Вольность Новгорода». О Новгороде и древних новгородцах Лермонтов слышал на лекциях по русской истории П. И. Вознесенского, автора специального труда на эту тему. Для Лермонтова, написавшего поэму «Последний сын вольности», стихотворения «Приветствуя тебя, воинственных славян...» и «Новгород», эти лекции представляли несомненный интерес.

Французский язык преподавал в Школе юнкеров Я. О. Борде, имевший обыкновение читать на занятиях вслух по-французски комедии Мольера и других драматургов. Борде любил обсуждать с воспитанниками политические новости. Можно предположить, что личность этого педагога вспоминалась Лермонтовым, когда он создавал образ одного из героев «Сашки» – гувернёра-француза (поэма была начата, очевидно, в годы, близкие ко времени пребывания в Школе юнкеров). Общение с педагогами на лекциях и уроках, внеклассные встречи с ними способствовали расширению знаний, полученных Лермонтовым в Пансионе и Московском университете.

Аристократичная молодёжь, преобладавшая в Школе юнкеров, свободное время обычно проводила в светских развлечениях и кутежах. Среда, окружавшая поэта в Школе юнкеров, в целом была далека от интеллектуальных запросов Лермонтова, хотя он отдал дань её настроениям в юнкерских поэмах: «Петергофский праздник»,

«Уланша», «Гошпиталь». Пребывание поэта в Школе юнкеров в течение «двух страшных годов» отразилось на его творческой продуктивности. Лермонтов писал меньше, тайком от начальства, урывками, по вечерам, уединившись в одном из самых отдалённых классов. В таких условиях продолжал он работать над пятой редакцией поэмы «Демон» и романом «Вадим». Тогда же написаны «Хаджи Абрек» и ряд других поэм и стихотворений: «Юнкерская молитва», «На серебряные шпоры», «В рядах стояли безмолвной толпой» и, вероятно, закончен начатый ещё в Москве «Измаил-Бей». По-прежнему Лермонтов любил рисовать. Изображал он чаще всего «кавказские виды и черкесов, скакавших по горам» (А. М. Меринский). Рисовал не только по вечерам, в одиночестве, но часто и во время занятий, делая наброски из жизни Школы юнкеров, портреты, карикатуры на преподавателей (Стунеев, В. И. Кнорринг и др.) и юнкеров (В. А. Вонляровский, Н. И. Поливанов, Л. Н. Хомутов). Среди товарищей Лермонтова были любители литературы, ценившие дарование поэта и гордившиеся им. Некоторые из них сохранили рукописи Лермонтова (Меринский), тетради с его рисунками (Н. Н. Манвелов). В Школе юнкеров учились М. И. Цедлер, в последующим мемуарист и скульптор, а также Мартынов Н. С. (убийца Лермонтова). Однако муштра и запрещение читать художественную литературу сильно ему досаждали, и он мечтал о скорейшем выпуске.

5 июня 1834 г. Лермонтов сдал публичные экзамены в Школе юнкеров и с 22 июня до начала августа проходил летние сборы в лагере под Петергофом, по окончании которых вернулся в Петербург. 22 ноября 1834 г. высочайшим приказом Лермонтов был произведён из юнкеров в корнеты и выпущен в лейб-гвардии Гусарский полк (далее – Л.Г.Г.П.). 4 декабря Лермонтов впервые в гусарском мундире посещает бал.

Довольно основательно изучив как военные, так и общеобразовательные дисциплины, будущий поэт был разносторонне подготовлен и обладал достаточно широким общим и военным кругозором. В нём сложились черты военного человека.

Вольнолюбивые традиции среди гусар способствовали развитию у Лермонтова привязанности к полку. В «Тамбовской казначейше» поэт писал: «... и скоро ль ментиков червонных // Приветный блеск увижу я ...» (лейб-гусары носили алые доломаны и ментики). Белая масть лошадей, присвоенная Л.Г.Г.П., навсегда стала любимой мастью Лермонтова. Службу он нёс исправно, но не терпел педантизма в мелочах службы и быта. В издевательском тоне говорится об этом в поэме «Монго»: «...И не тянул ноги он в пятку, // Как должен каждый патриот...». Свой протест против бессмысленных требований великого князя Михаила Павловича, командовавшего гвардией, Лермонтов осуществлял то явкой на развод караулов с миниатюрной саблей, то – на великосветский бал с неустановленным шитьём на обшлаге и воротнике вицмундира. За это Лермонтова 18 февраля 1837 г. отправили под арест и поместили в одной из комнат верхнего этажа Главного штаба.

Служба в полку состояла не только из обычных военных занятий, учений, парадов, но и из обязательного посещения придворных балов. Правда, Л.Г.Г.П. значительно уступал в близости ко двору полкам Кавалергардскому и Конногвардейскому. Это порождало некоторую разобщённость между кавалергардами и конногвардейцами с одной стороны и лейб-гусарами – с другой. Лермонтов был зачислен в 7-й эскадрон Л.Г.Г.П.,

которым командовал Н. И. Бухаров – «столетья прошлого обломок... // Гусар прославленных поток, // Пиров и битвы гражданин». В полку ещё сохранились старые вольно-любивые традиции. Это проявилось и в том, что к стихотворению «Смерть поэта» и к его уезжавшему в ссылку автору офицеры-гусары отнеслись сочувственно и собирались дать Лермонтову по подписке прощальный обед. Однако М. Г. Хомутов – командр полка усмотрел в этом проявление протеста против царского приговора и не разрешил торжества. Было известно, что конногвардейцы и кавалергарды были на стороне Ж. Дантеса. И неслучайно позднее в «Кружке шестнадцати» из офицеров были только гусары.

Период первой ссылки был важен для становления личности поэта-воина. На Кавказе он встретился с новыми людьми: это были скромные труженики войны и сосланные декабристы. Здесь Лермонтов ощутил известное сочувствие к себе со стороны начальства и отсутствие постоянной слежки III отделения. В 1837 г. Лермонтов являлся наблюдателем, а в 1840 г. прямым участником боевых действий против горцев. Отношение его к военным действиям было противоречивым. С одной стороны, поэт всей душой был на стороне свободолюбивых народов Кавказа, однако, как Пушкин и декабристы, понимал, что у горцев нет надежды на завоевание полной независимости, и единственный выход состоит в присоединении к России. В «Мцыри» Лермонтов писал: «И божья благодать сошла // На Грузию! она цвела // С тех пор в тени своих садов. // Не опасаясь врагов, // За гранью дружеских штыков».

Лермонтов был распределён в Нижегородский драгунский полк, который по планам 1837 г. должен был принять участие только в рекогносировке Главного Кавказского хребта, не связанной с боевыми действиями. Доброжелатели Лермонтова – А. И. Философов, В. Д. Вольховский, П. И. Петров – стремились дать возможность поэту в боевой экспедиции 1837 г. заслужить «прощение». Их усилиями Лермонтова освободили от поездки в полк и прикомандировали к отряду А. А. Вельяминова в экспедицию на Кубань. Принято считать, что по этой причине он не принял участия в операции. Однако Лермонтов знал, что его хотят не только направить в экспедицию, но и «подать» царю на смотре, назначенному в Анапе, а фактически проведённом в Геленджике 20-21 сентября 1837 г. Срок этот был определён заранее. Весеннюю экспедицию 1837 г. Вельяминов планировал так, чтобы до царского смотра войска могли отдохнуть и привести себя в порядок. Боевые действия начались 15 мая и закончились 2 сентября.

Однако непредвиденные обстоятельства нарушили эти планы Весной 1837 г., когда экспедиция только ещё готовилась, Лермонтов заболел. 13 мая находясь в Ставрополе, Лермонтов подал в штаб войск Кавказской линии рапорт «об освидетельствовании болезни его» и был помещён в ставропольский военный госпиталь, затем переведён в пятигорский госпиталь для лечения минеральными водами. Там он, принимая ванны в Пятигорске, встретился с Вольховским и узнал о сроках экспедиции и смотра. 18 июля Лермонтова причислили к эскадрону Нижегородского драгунского полка, который дислоцировался в Анапе. В первой половине сентября с Кавказских минеральных вод через Ставрополь и укрепление Ольгинское Лермонтов выехал в Тамань, чтобы оттуда отправиться в Анапу или Геленджик, где находился отряд генерала Вельяминова, готовившийся ко встрече с императором Николаем I.

Известно, что Лермонтов прибыл в Тамань только в 20-х числах сентября и там узнал об отмене осенней экспедиции. 29 сентября Лермонтов вернулся из Тамани в укрепление Ольгинское, где получил предписание отправиться в свой полк в Тифлис. В Ольгинском, по-видимому, произошла встреча с Н. С. Мартыновым, которому Лермонтов должен был доставить пакет из Пятигорска с письмами и деньгами от родных Мартынова. Случайным ли было его опоздание на царский смотр в Геленджике или намеренным? Вряд ли состояние здоровья удерживало Лермонтова. Присутствовать на царском смотре он, очевидно, не хотел и принял по этому поводу твёрдое решение. Он предполагал быть в отряде после отъезда Николая I. Тем временем экспедиция была отменена. Лермонтова направили в полк, во 2-й дивизион, осуществлявший наблюдение за всей Ширванской провинцией, – в Шемаху. К этому времени относятся поездки Лермонтова с А. И. Одоевским и эпизод с перестрелкой в районе Кубы.

Месяцы, проведённые на Кавказе, сыграли большую роль в формировании мировоззрения поэта, в становлении его творчества. К тому же усилилась его неудовлетворённость военной службой, созрело решение выйти в отставку и посвятить себя исключительно литературной деятельности.

Благодаря хлопотам Е. А. Арсеньевой и В. А. Жуковского по представлению А. Х. Бенкendorфа 11 октября в Тифлисе был отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе «**прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (далее – Л.Г.Гр.Г.П.) корнетом**» и только 25 ноября Лермонтова исключили из списков Нижегородского полка.

Лермонтов не строил себе иллюзий в отношении места стоянки полка. В письме к П. И. Петрову на Кавказ от 1 февраля 1838 г. он писал о «приятном путешествии» в «великий Новгород, в ужасный Новгород». Поэт ехал в Селищенские казармы Новгородского удела военных поселений в 60 км от Новгорода; для него это край древней вольности, воспетый декабристами, с одной стороны, и место аракчеевских военных поселений – с другой. На места посёлённых полков были поставлены части 2-й лёгкой кавалерийской дивизии, в том числе Л.Г.Гр.Г.П., принимавший участие в подавлении восстания в Польше в 1830-1831 гг. О кровавой истории Селищенских казарм Лермонтов, конечно, знал от С. А. Раевского, служившего в Департаменте военных поселений.

16 февраля 1838 г. Лермонтов выехал в Новгородскую губернию, в первый округ военных поселений. 26 февраля Лермонтов прибыл в штаб Л.Г.Гр.Г.П. Явившись к командиру полка князю Д. Г. Багратиону, получил назначение состоять в 4-м эскадроне, которым командовал К. Войникович.

4-й эскадрон формировал, а затем им командовал вплоть до ареста декабрист М. С. Лунин. Поэт застал в полку 16 офицеров и десятки солдат в своём эскадроне, служивших ещё вместе с Луниным. Селищенские казармы дважды в год – во время ледостава и ледохода по реке Волхову – были отрезаны от внешнего мира. В полку господствовали псевдогусарские традиции (карточная игра и выпивки), быстро надоевшие поэту. В окрестных деревнях продолжали влечь полуниценское существование пахотные солдаты, свидетели и участники восстания военных поселен.

Командир полка Д. Г. Багратион-Имеретинский стремился сделать полк лучшим в России. Видимо, Лермонтов исправно нёс службу, только этим можно объяснить то, что ему дважды разрешили 8-дневный отпуск в Петербург.

Поселился Лермонтов в Селищенских казармах в доме для холостых офицеров на одной квартире с корнетом Николаем Александровичем Краснокутским (1819-1891 гг., позднее генерал-майором), который свободно владел десятью языками, занимался живописью, музыкой. По преданию, все стены своей комнаты Лермонтов исписал стихами, которые сохранялись до тех пор, пока однажды в отсутствие полка, под видом ремонта не закрасили эти драгоценные автографы. Только на одном из подоконников осталась вырезанная ножом фамилия поэта. С подстрочного перевода, сделанного Краснокутским, Лермонтов написал вольный перевод сонета А. Мицкевича «Вид гор из степей Козлова». В это время Лермонтов также работал над произведениями «Демон», «Герой нашего времени», рисовал картины «Черкес», «Воспоминания о Кавказе», которые подарил офицеру полка А. И. Арнольди, хорошо писавшему акварелью. В списках полка того времени можно встретить гусара Пауфлера, который был незаурядным композитором и корнета Казимира Домейко, брат которого Игнатий Домейко после участия в событиях 1831 г. эмигрировал в Чили, где стал выдающимся учёным. Воспоминания гродненских гусар по разному освещают пребывание М. Ю. Лермонтова в полку. Одни обратили внимание на то, что он хорошо ездит верхом, одетый по-черкесски с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле... Другие отмечали, что подчас у него бывали вспышки веселья, что он верховодил в разных затеях. Но часто бывал и угрюм, и скучен. На балах обыкновенно садился в угол и молча прислушивался к пению и шуткам собравшегося общества.

3 марта и ночь на 4 марта Лермонтов принимал участие в проводах офицера полка, талантливого скульптора и карикатуриста М. И. Цейдлера (1816 - 1892 гг., в последующем генерал-лейтенанта), откомандированного из Л.Г.Г.П. в Отдельный Кавказский корпус. На вечеринке Лермонтов написал экспромт: «Русский немец белокурый // Едет в дальнюю страну».

24 марта по ходатайству Е. А. Арсеньевой шеф жандармов А. Х. Бенкендорф сделал представление через военного министра графа А. И. Чернышёва о прощении Лермонтова и переводе его в Л.Г.Г.П. 9 апреля был опубликован высочайший приказ о переводе корнета Лермонтова в Л.Г.Г.П., однако 18 апреля Лермонтов подал рапорт о болезни и некоторое время ещё оставался в Л.Г.Г.П.

24 - 25 апреля Лермонтов возвратился в Петербург и только 14 мая прибыл в Л.Г.Г.П., расквартированный в Софии под Царским Селом. Он не терял надежды на отставку, нёс опостылевшую после Кавказа плац-парадную службу, регулярно посещал балы, но чаще – среди литераторов. Участвовал в «Кружке шестнадцати».

22 сентября по приказанию великого князя Михаила Павловича за очередную гусарскую шалость Лермонтов был арестован. Находясь на Царскосельской гауптвахте, Лермонтов написал маслом картину «Вид Кавказа» в подарок А. М. Хюгель (Верещагиной). 10 октября Лермонтов был освобождён из-под ареста и в дальнейшем служил

исправно. 6 декабря 1839 г. высочайшим приказом он был произведён из корнета в поручики.

В феврале 1840 г. произошло столкновение с Э. Барантом – сыном французского посла. 18 февраля (воскресенье) в 12 часов дня состоялась дуэль Лермонтова с Барантом за Чёрной речкой на Парголовской дороге при секундантах А. А. Столыпине (Монго) и виконте Р. д'Англесе. После дуэли Лермонтов, слегка раненый ниже локтя, заезжал к А. А. Краевскому.

Уже 20 февраля командир Л.Г.Г.П. Н.Ф. Плаутин потребовал от Лермонтова объяснения обстоятельств дуэли с Барантом. 10 марта было начато «Дело Штаба отдельного Гвардейского корпуса... О поручике Л.Г.Г.П. Лермонтове, преданном военному суду за произведённую им с французским подданным Барантом дуэль и необъявление о том в своё время начальству». Лермонтов заключён в Ордонанс-гауз. 15 марта В. Г. Белинский пишет в Москву В. П. Боткину: «Лермонтов под арестом за дуэль с сыном Баранта. Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается. Дрались на саблях, Лермонтов слегка ранен и в восторге от этого случая, как маленького движения в одинообразной жизни. Читает Гофмана, переводит Зейдлица и не унывает. Если, говорит, переведут в армию, буду проситься на Кавказ. Душа его жаждет впечатлений жизни». 17 марта Лермонтов был переведён из Ордонанс-гауза на Арсенальную гауптвахту. 22 марта через А. В. Браницкого он пригласил на Арсенальную гауптвахту Баранта для личных объяснений по поводу своих показаний от 16 марта, которыми Барант был недоволен и требовал новой дуэли.

11 апреля великий князь Михаил Павлович изложил своё мнение по поводу приговора военно-судной комиссии в отношении Лермонтова: «... сверх содержания его под арестом с 10 марта, выдержать ещё под оным в крепости в каземате три месяца, и потом выписать в один из армейских полков тем же чином...». В тот же день поступило предписание Николая I о срочном окончании дела о дуэли. 13 апреля на докладе Генерал-аудиториата по делу Лермонтова рукой Николая I написано: «Поручика Лермонтова перевезти в Тенгинский пехотный полк тем же чином; отставного поручика Столыпина и Браницкого освободить от подлежащей ответственности, объявив первому, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. В прочем быть по сему. Николай. С. Петербург 13 апреля 1840». Резолюция Николая I противоречила определению Генерал-аудиториата, который предлагал выдержать Лермонтова три месяца на гауптвахте, а потом уже выписать в один из армейских полков. 19 апреля военный министр граф А. И. Чернышёв разъяснил великому князю Михаилу Павловичу, что Николай I «изволил сказать, что переводом Лермонтова в Тенгинский полк желает ограничить наказание». 27 апреля Лермонтов обратился письмом к великому князю Михаилу Павловичу с просьбой защитить его от требования А. Х. Бенкendorфа написать письмо к Баранту, признав ложность своих показаний на суде, что он стрелял в воздух. Великий князь Михаил Павлович направил письмо на высочайшее рассмотрение.

5 мая Лермонтов выехал из Петербурга на Кавказ. Прощальному вечеру у Карамзиных было посвящено стихотворение «Тучи». Во время второй ссылки Николай I был бес-

пощаден к Лермонтову. Царь выбрал для поэта Тенгинский полк, который действовал на наиболее опасных участках. В 1840 г. предполагалось осуществить операции преимущественно на правом фланге Кавказской линии. Передовую линию было решено перенести с реки Кубань на реку Лабу, а пространство между этой рекой и Верхней Кубанью заселить казачьими станицами. Для этой цели был сформирован Лабинский отряд Г. Х. Засса и десантный отряд И. Н. Раевского. На левом фланге планировалось закрепление на Кумыкской плоскости и в Салатавии. Это было возложено на Чеченский отряд генерала А. В. Галафеева. Однако в 1840 г. инициативу в свои руки взяли горцы. Ранней весной они нанесли ряд ударов в Черноморье и овладели некоторыми укреплениями. Уже в марте Шамиль осуществил военные операции в Чечне. Как правило, русские войска действовали с опозданием, давая возможность Шамилю распространить своё влияние на всю Чечню и даже окрестности Владикавказа. Операции русских войск носили скорее карательный, чем боевой характер, поэтому экспедиции 1840 г. себя не оправдали.

Лермонтов 10 июня прибыл в Ставрополь и добился назначения в Чеченский отряд под начальством генерал-лейтенанта Галафеева, на левый фланг Кавказской линии. Стеснительные условия службы в качестве командира взвода 12-й мушкетерской роты Тенгинского пехотного полка (поэт был определён по ходатайству К. К. Данзаса в его батальон), по-видимому, Лермонтова тяготили. Он предпочёл более свободную от повседневной опеки должность адъютанта в отряде Галафеева. Офицеры штаба – адъютанты, как их тогда называли – иногда прикреплялись заранее к какой-либо части боевого порядка, вели наблюдение за её действиями, доносили об этом, а порой и сами организовывали действия этих частей.

6 июля отряд в котором находился Лермонтов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился через реку Сунжу и ущелье Хан-Калу в Малую Чечню; с боями продвинулся в Дуду-Юрт и далее в Большую Атагу и Чах-Гери, к Гойтинскому лесу. После штыковой атаки у Ахшпатой-Гойте был совершён переход к аулу Урус-Мартан и к аулу Гехи. 11 июля отряд выступил из лагеря при ауле Гехи на Казах-Кичу, Грозная. В боевых донесениях отмечалось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов, во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны... Офицер этот, не смотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших солдат ворвался в неприятельские завалы».

Для выполнения такого поручения надо было обладать мужеством, хорошим кругозором, пониманием обстановки и решительностью. Служба таких адъютантов была соизмерена с большей опасностью, чем в строю. Так, в бою на реке Валерик потери в офицерах строевых частей составили 8%, а среди адъютантов около 20%. В стихотворении «Валерик» сказано: «Все офицеры впереди... // Верхом помчался на завалы...». За этот бой поэт был представлен к ордену Владимира 4-й степени с бантом, но командир корпуса снизил представление до ордена Станислава 3-й степени, который Лермонтов не получил.

В журнале военных действий 20-й пехотной дивизии генерала Галафеева отмечены случаи бессмысленной жестокости по отношению к горцам. Занятые аулы после ночлега предавались огню, поля вытаптывались. Так, 37-й и 39-й донские казачьи полки 1 и 2 июля 1840 г. вытоптали все поля по берегу реки Сунжи на 30 верст. Уклонившись от роли взводного командира пехотного полка, Лермонтов избежал участия в карательной деятельности.

С 12 по 15 июля Лермонтов принял участие в перестрелке при следовании отряда через аул Ачхой, по рекам Натахи и Сунже до возвращения в крепость Грозную. Не достигнув решительного успеха в этой операции, Галафеев с опозданием направился на выручку к генерал-лейтенанту Ф. К. Клюги фон-Клюгену в Темир-Хан-Шуру. С 17 июля по 2 августа Лермонтов участвует в походе части отряда генерал-лейтенанта А. В. Галафеева в Северный Дагестан. По пути, в палатке у Миатлинской переправы, барон Д. П. Пален нарисовал карандашом портрет Лермонтова в профиль. Отряд прибыл 29 июля в Темир-Хан-Шуру, а 2 августа через Миатлинскую переправу выступил в направлении крепости Грозной. 9 августа отряд Галафеев прибыл в Герзель-аул и приступил к строительству запланированного укрепления, прекратив на время боевые действия. Во время этой паузы Лермонтов и другие офицеры получили кратковременные отпуска в Пятигорск и Кисловодск. В 20-х числах сентября 1840 г. Лермонтов возвратился на Большую Чечню.

27 сентября отряд генерал-лейтенанта А. В. Галафеева выступил из крепости Грозной через Ханкальское ущелье к реке Аргун. Лермонтов был прикомандирован к кавалерийскому отряду. В бою 10 октября был ранен юнкер Руфин Иванович Дорохов (1805–1852 гг.), командовавший «сотней» отборных конных бойцов «казаков-охотников» (добровольцев), выбранных из кавалерии левого фланга Кавказской линии. Генерал А. В. Галафеев назначил вместо него Лермонтова, отличившегося храбростью в бою при реке Валерик. В дальнейшем сотня именовалась Лермонтовским отрядом, которым он командовал с 10 октября и до конца ноября 1840 г. во время походов в Малую и Большую Чечню. П. А. Султанов, разжалованный в солдаты и служивший в отряде, писал об этой команде: «Поступить в неё могли люди всех племён, наций и состояний без исключения... Желавшему поступить назначался экзамен, состоявший в исполнении какого-нибудь трудного поручения. Если экзаменующийся не проваливался, то ему ... брили голову..., приказывали отпустить бороду..., одевали по черкески и вооружали двухстволкой со штыком».

Кавалеристов отряда отличали отвага, удальство, преданность командиру, презрение к огнестрельному оружию. Отряд действовал отчасти как партизанский, занимаясь также разведкой. Лермонтов, приняв командование, проявил не только незаурядное дарование кавалерийского офицера, но и повседневную заботу о подчинённых, сумел найти путь к сердцам солдат, с которыми делил опасности боя и тяготы походной жизни. Отказавшись от всяких удобств, он вёл тот же образ жизни, что и они, – спал на голой земле, ел из общего котла, небрежно относился к соблюдению формы и своему внешнему виду. Лермонтов был доволен этим назначением, так как оно давало некоторую независимость и возможность отличиться, что было нужно для получения отставки.

К. Х. Мамацев вспоминал: «Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается, в бою она искала самых опасных мест...». Лермонтов с командою отличился в делах 12 и 15 октября за Шалинским лесом и при переправе через реку Аргун. Командующий конницей у генерала П. Х. Грабе, принявшего на себя руководство дальнейшими боевыми действиями, В. С. Голицын писал, что трудно было бы подобрать для этой «сотни» более подходящего командира. Лермонтов «... был всегда первый на коне и последний на отдыхе...». Лермонтов как истинный гусар на практике применил умения и навыки, полученные в Школе юнкеров и гвардейских гусарских полках.

Первым в XIX в. партизанские операции провёл гродненский гусар Я. П. Куль-нев в русско-шведской войне 1808-1809 гг. В дальнейшем теорию и практику партизанской войны развил Д. В. Давыдов в 1812 г. Опыт участия отдельных казачьих сотен в специальных операциях получил дальнейшее развитие на Кавказе. В одной из таких команд в 1878 г. служил В. Гиляровский. Вершины развития военной науки в применении отдельных казачьих сотен специального назначения в партизанских операциях Российской армия достигла в Первой мировой войне.

Во второй половине октября Лермонтов с отрядом отдыхал в крепости Грозной после 20-дневной экспедиции в Чечне. В письме к А. А. Лопухину в Москву он пишет о походе и «команде охотников», которую получил «в наследство от Дорохова».

С 27 октября по 6 ноября Грабе совершил повторный, не оправдавший себя поход в Малую Чечню. 27 октября Лермонтов вновь выступил из крепости Грозной и отличился в делах 27, 28, 29 и 30 октября у аула Алды, в Гойтинском лесу и снова при реке Валерик.

С 9 по 20 ноября «Чеченский отряд» действовал в Большой Чечне. Во время очередной экспедиции в Чечню с 9 по 20 ноября Лермонтов был всё время при генерал-лейтенанте А. В. Галафееве. 20 ноября в Герзель-ауле состоялся смотр этого отряда военным министром А. И. Чернышёвым. Он нашёл отряд в расстроенном состоянии, отменил зимнюю экспедицию и распустил войска на зимние квартиры. С 20 ноября по декабрь Лермонтов находился в Ставрополе, где встречался с С. В. Трубецким, Л. В. Россильоном, И. А. Вревским, А. Д. Есаковым, Л. С. Пушкиным, М. А. Назимовым и др.

9 декабря А. В. Галафеев подал рапорт с приложением наградного списка и просьбой перевести Лермонтова «в гвардию тем же чином с отданием старшинства». 11 декабря военный министр граф А. И. Чернышёв сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса о том, что Николай I разрешил предоставить Лермонтову отпуск на два месяца.

24 декабря командующий кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковник В. С. Голицын подал рапорт командующему войсками Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютанту П. Х. Грабе с представлением к

награждению Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость», что предполагало возвращение в гвардию.

31 декабря состоялся Приказ № 365 о зачислении Лермонтова «налицио» в Тенгинском пехотном полку, т. е. в станице Ивановской Кубанской области, где находился штаб полка. В конце 1840 г. Лермонтов прибыл в Тенгинский пехотный полк, но уже 14 января 1841 г. Лермонтову выдали отпускной билет на два месяца. В этот же день он выехал из Ставрополя в Петербург через Новочеркасск, Воронеж, Москву с надеждой на отставку.

5 марта командир Отдельного Кавказского корпуса подал рапорт с представлением к награде Лермонтова за участие в экспедиции в Малой Чечне с 27 октября по 6 ноября 1840 г. В столице Лермонтов узнал, что его вычеркнули из Валерикского представления к наградам, подведя под общее положение. Из итогового представления за 1840 г. Николай I вычеркнул его сам. Но об этом стало известно после смерти поэта.

11 апреля Лермонтова вызвал дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель и сообщил ему предписание в 48 часов покинуть столицу и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк. Прямо от Клейнмихеля в сильном возбуждении Лермонтов приехал к А. А. Краевскому. Возвращаясь на Кавказ в 1841 г., поэт всё ещё собирался «...заслужить себе на Кавказе отставку...». В последних письмах бабушке от 9-10 мая и 28 июня 1841 г. опять задаётся вопрос: «выпустят ли» в отставку? П. А. Клейнмихель иезуитски ответил Е. А. Арсеньевой, что не советует поэту подавать прошение об отставке, а сам 30 июня 1841 г. передал предписание Е. А. Головину о запрещении царя отпускать Лермонтова от «фрона» в Тенгинском пехотном полку, т. е. от неотлучной строевой службы, чтобы не давать повода «отличиться».

В письме к Арсеньевой от 9-10 мая 1841 г. Лермонтов писал: «...кажется, прежде отправлюсь в Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды...». В это время ему была выдана подорожная в Темир-Хан-Шуру. О прибытии на Кавказ 13 июня Лермонтов рапортом доложил командиру Тенгинского полка полковнику С. И. Хлюпину. Отправляясь в отряд генерал-адъютанта П. Х. Грабе, Лермонтов заболел по дороге лихорадкой и получил от пятигорского коменданта пзволение остаться в Пятигорске до излечения. 30 июня дежурный генерал Главного штаба граф П. А. Клейнмихель сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Е. А. Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученою ему казачьею командою, повелеть соизволил... дабы поручик Лермонтов непременно состоял на лице во фронте...». Подлинная резолюция царя гласила: «Зачем не при своём полку? Велеть непременно быть налицио во фронте, и отнюдь не сметь под каким бы то ни было предлогом удалять от фронтовой службы при своём полку».

Утром 15 июля к Лермонтову в Железноводск из Пятигорска приехали в коляске Е. Г. Быховец и Обыденная, которых сопровождали верхом юнкера А. П. Бенкендорф, М. В. Дмитриевский и Л. С. Пушкин. В немецкой колонии Каррас (Шотландка) товарищи организовали пикник. **Между 6-7 часами вечера состоялась дуэль с Мартыновым у подножия Машука.** Секунданты: М. П. Глебов, А. И. Васильчиков и, возможно, А. А.

Столыпин и С. В. Трубецкой. Некоторые современники называли и других свидетелей дуэли (в частности, Р. И. Дорохова). Гроза. Лермонтов убит Мартыновым. Поздно вечером тело поэта перевезено в Пятигорск, в дом В. И. Чилаева.

17 июля состоялось медицинское освидетельствование лекарем И. Е. Барклаем де Толли в присутствии следственной комиссии тела Лермонтова, а затем погребение на Пятигорском городском кладбище. В метрической книге Пятигорской Скорбящей церкви за 1841 г., часть III, № 35 была сделана запись: «Тенгинского пехотного полка поручик Михаил Юрьев Лермонтов 27 лет убит на дуэли 15-го июля, а 17 погребен. Офицеры несли прах любимого ими товарища до могилы, а слёзы множества сопровождающих выразили потерю общую, незаменимую».

Только 12 августа Лермонтов был исключён из списка армии. 30 сентября комиссия военного суда в Пятигорске огласила «сентенцию», в которой приговорила Н. С. Мартынова, М. П. Глебова и А. И. Васильчикова «за дуэль с поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым (на оной ныне убитым)» к «лишению чинов и прав состояния».

3 января 1842 г. состоялась высочайшая конфирмация по военно-судному делу о Мартынове, Глебове и Васильчикове: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжёлой раны».

21 апреля по просьбе Е. А. Арсеньевой гроб с прахом Лермонтова привезён из Пятигорска в Тарханы и 23 апреля во втором свинцовом гробу прах Лермонтова погребён в фамильной часовне.

Память о Лермонтове сохранена потомками. В 1881 г. начальник Николаевского кавалерийского училища (бывшая Школа юнкеров) А. А. Бильдерлинг по просьбе воспитанников приступил к организации первого в России Лермонтовского музея. В 1883 г. музей открылся. Позднее, накануне столетия со дня рождения Лермонтова, перед зданием училища (ныне Лермонтовский проспект, 54) 1 октября 1913 г. состоялась закладка памятника поэту. Памятник, изображающий поэта в военном мундире, был сооружён Б. М. Микешином в 1914 г. и торжественно открыт лишь 9 мая 1916 г. В конце 1917 г. все коллекции Лермонтовского музея поступили в Пушкинский дом АН (в дальнейшем Институт русской литературы АН СССР).

В 1939 г. в Тарханах был открыт дом-музей Лермонтова, преобразованный в ноябре 1944 г. в музей-усадьбу. В 1966 г. на базе музея-усадьбы создан музей-заповедник «Тарханы» общей площадью 91 га. В фондах музея находится 17 456 единиц хранения.

В городе Гродно имя Лермонтова увековечено в названии улицы, которая находится в историческом центре. В ГУО «Средняя школа № 40 г. Гродно» М. Ю. Лермонтову посвящена музейная экспозиция, которую венчает портрет военного героя в форме Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.